

Дорогому Павлу Григорьевичу —

Стихотворение, с которого я начался и которое отныне
посвящается ему

Д У Б

Он стоит над ручьем. нескончаемых порослей
предок,
весь изъеденный мхом и сырими ветрами
ночей.
Он стоит над ручьем. И с изглоданных
временем веток
жар осеннего золота каплет, как время,
в ручей.
Я не знаю, когда он пробился на солнце
впервые
и вонзил между трав оголенные кости
корней.
В узловатой коре засеклись времена
боевые,
боевые рубцы пролегли, как сказания, в ней.
И об этом я знаю.

Сюда соловьиным рассветом
их пришло только шесть партизан из села
а седьмой — на лугу под разбитым плечом
остался
лафатом,
и железные травы уже обступили его.
Он не ведал, что шесть от всего из отряда
осталось,
Почерневшим виском к ледяному принав колесу,
Он не видел, как шесть понесли свою
скорьб и усталость,
Чтоб у дуба сложить в окруженном
врагами лесу.

... И когда от ручья оторвали несохшие
губы,
Встал плечистый Андрей — дровосек, по
прозванью Гора:

"Что, ребята, забыли, как запись ведут
лесорубы?!"

Он ударил клинком, И ответила соком
кора,

И не ведал Андрей, что открыла с
партизанами вместе
этой первой зарубкой утратам и горестям
счет.

Он друзьям говорил: "Пусть, как
в дереве память о мести,
в черном сердце врага нашу ненависть
штык залечет".

Но немецкие снайперы глаз на прицеле
держали.

И когда по утрам смельчаки приходили
к воде,
загоралась на дубе, как свежая кровь
на кинжале,

и пылала царапина — повесть о новой беде.
Чем за каждую смерть отплатили

врагам лесорубы —
помнят сытые вороны, дымные помнят ветра
Но засечек уже было шесть на развесистом
дубе,

а у дуба один был привязан плечистый
Гора.

Он смотрел на штыки. А над ним, как
тяжелые слезы,
бесконечные звезды срывались в листву
напрямик,

и когда б я не знал, что извечно белесы
березы

Я поклялся бы вам, что они поседели

В ТОТ МИГ ...

Он смотрел на штыки .

Кто придет? Кто на дубе безлистом
засечет его смерть? ...

Только плюнул в глаза палачу.

Офицер покачнулся, клинок опустился

со свистом ...

Есть на дубе засечка,
и я за нее отплачу!

1939-1949

М. Максимов